

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
1. ПЕРВОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ, 1917–1939 ГОДЫ	27
2. ВТОРОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ, 1947–1948 ГОДЫ	72
3. ТРЕТЬЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ, 1967 ГОД	122
4. ЧЕТВЕРТОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ, 1982 ГОД	174
5. ПЯТОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ, 1987–1995 ГОДЫ	207
6. ШЕСТОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ, 2000–2014 ГОДЫ	254
Заключение	290
Выражение признательности	314
Приложение	317

Мы нация, которой грозит исчезновение.

*Иса и Юсеф Эль-Исса,
«Фаластин», 7 мая 1914 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1990-х годов я несколько месяцев жил в Иерусалиме, проводя исследования в частных библиотеках старейших семейств города, включая мою собственную семью. Я жил с женой и детьми в квартире, принадлежащей вакфу, или религиозному фонду семьи Халиди, в самом центре тесного и шумного Старого города. С крыши здания открывался вид на два величайших шедевра ранней исламской архитектуры: сияющий золотом Купол Скалы находился всего в сотне метров от дома на площади Харам аш-Шариф. За ним располагался серебристо-серый купол мечети Аль-Акса с Елеонской (Масличной) горой на заднем плане¹. В других направлениях виднелись церкви и синагоги Старого города.

Чуть дальше на улице Баб ас-Сильсила находился главный корпус библиотеки Халиди, основанной в 1899 году моим дедом, Хаджем Рагибом аль-Халиди, по завещанию его матери, Хадиджи аль-Халиди². В библиотеке хранятся более 1200 манускриптов, в основном на арабском языке (некоторые на персидском и османско-турецком), самые древние из которых датируются началом XI века³. Коллекция, включающая в себя около 2000 арабских книг XIX века и различные семейные бумаги, является одной из самых обширных во всей Пале-

стине среди тех, что еще находятся в руках первоначальных владельцев⁴.

Во время моего пребывания в Иерусалиме в главной библиотеке, построенной примерно в XIII веке, проводилась реконструкция, поэтому ее фонды временно хранились в больших картонных коробках в здании мамлюкской эпохи, соединенном с нашей квартирой узким лестничным пролетом. Я провел среди этих коробок больше года, перебирая пыльные, изъеденные червями книги, документы и письма, принадлежавшие нескольким поколениям Халиди, в том числе моему двоюродному прапрадеду Юсуфу Дийя аль-Дину Паше аль-Халиди⁵. Со страниц его бумаг передо мной предстал образ широко образованного человека, учившегося в Иерусалиме, на Мальте, в Стамбуле и Вене, человека, питавшего глубокий интерес к сравнительному религиоведению и особенно иудаизму, владевшего множеством книг различной тематики на многих европейских языках.

Юсуф Дия был наследником древнего рода иерусалимских исламских ученых и юристов. Его отец, аль-Саид Мухаммад Али аль-Халиди, около пятидесяти лет служил заместителем кади и начальником секретариата шариатского суда Иерусалима. Однако в юном возрасте Юсуф Дия выбрал для себя другую карьеру. Впитав основы традиционного исламского образования, он без одобрения отца покинул Палестину в возрасте восемнадцати лет, чтобы провести два года в школе Церковного миссионерского общества Великобритании на Мальте. Оттуда отправился учиться в Императорскую школу медицины в Стамбуле, после чего поступил в стамбульский Роберт-колледж, незадолго до этого основанный американскими миссионерами-протестантами. В 1860-х годах Юсуф Дия пять лет проучился в одном из первых в регионе учебных заведений, предоставлявших современное образование западного образца, осваивая английский, французский и немецкий языки, а также разнообразные дисциплины. Такая биография крайне необычна для молодого человека из семьи мусульманских богословов середины XIX века.

Получив столь широкое образование, Юсуф Дия занимал различные должности в государственном аппарате Османской

империи: переводчика министерства иностранных дел, консула в русском порту Потти на Черном море, наместника округа в Курдистане, Ливане, Палестине и Сирии, мэра Иерусалима (на протяжении почти десяти лет), — а также преподавал в Королевском императорском университете в Вене. Он также избирался депутатом от Иерусалима в недолговечный османский парламент, созданный в 1876 году в соответствии с новой конституцией империи, чем вызвал неприязнь у султана Абдул-Хамида, поскольку выступал за подотчетность исполнительной власти парламенту⁶.

По семейной традиции и в соответствии с исламским и западным образованием аль-Халиди стал также выдающимся ученым. В библиотеке Халиди хранится множество принадлежавших ему книг на французском, немецком и английском языках, а также переписка с видными деятелями Европы и Ближнего Востока. Старые австрийские, французские и британские газеты, хранящиеся в библиотеке, говорят о том, что Юсуф Дия регулярно читал зарубежную прессу. Есть свидетельства, что он получал эти материалы через австрийский почтамт в Стамбуле, на который не распространялись драконовские османские законы о цензуре⁷.

Благодаря обширному кругу чтения, посещению Вены и других европейских городов, а также встречам с христианскими миссионерами Юсуф Дия хорошо знал о повсеместной распространенности антисемитизма западного толка. Он также приобрел глубокое понимание интеллектуальных корней сионизма, в том числе его зарождения как реакции на оголтелый антисемитизм христианской Европы. Юсуф, несомненно, был знаком с книгой венского журналиста Теодора Герцля «Еврейское государство», опубликованной в 1896 году, и знал о первых двух сионистских конгрессах, проведенных в швейцарском Базеле в 1897 и 1898 годах⁸. (Вполне вероятно, что Юсуф Дия был наслышан о Герцле еще во время проживания в Вене.) Юсуф знал о дебатах и воззрениях различных сионистских лидеров и течений, в том числе о недвусмысленном призыве Герцля к созданию государства евреев с «суверенным

правом» контроля над иммиграцией. Более того, будучи мэром Иерусалима, он был свидетелем трений между местным населением и европейскими поселенцами-евреями, вызванных протисионистской деятельностью в конце 1870-х — начале 1880-х годов.

Герцль, признанный лидер основанного им и набирающего силу движения, совершил свою единственную поездку в Палестину в 1898 году, приурочив ее к визиту немецкого кайзера Вильгельма II. Он уже тогда задумывался над некоторыми вопросами, связанными с колонизацией Палестины, о чем писал в своем дневнике в 1895 году: «Мы должны аккуратно экспроприировать частную собственность на отведенных нам участках. Мы постараемся переправить неимущее население за границу, обеспечив его работой в транзитных странах и отказав ему в трудоустройстве в нашей стране. Собственники перейдут на нашу сторону. Процесс экспроприации и выселения бедняков должен осуществляться осмотрительно и негласно»⁹.

Юсуф Дия наверняка был осведомлен об амбициях, силе, ресурсах и привлекательности зарождающегося сионистского движения лучше большинства своих соотечественников в Палестине. Он прекрасно понимал абсолютную невозможность примирения заявок сионизма на Палестину и его цели — создания суверенного еврейского государства — с правами и благополучием коренных жителей страны. Скорее всего, именно по этой причине Юсуф Дия 1 марта 1899 года отправил пророческое письмо на семи страницах главному раввину Франции Задокну Кану с просьбой передать это послание основателю современного сионизма.

Письмо начиналось с комплиментов Герцлю как «человеку, талантливому автору и настоящему еврейскому патриоту», а также с выражения уважения к иудаизму и евреям, кого Юсуф Дия, ссылаясь на патриарха Авраама, почитаемого как евреями, так и мусульманами за общего праотца, назвал «нашими двоюродными братьями»¹⁰.

Он писал о своем понимании движущих мотивов сионизма и порицании преследований, которым евреи подвергались в Европе. Ввиду этих преследований сионизм, по мнению Юсуфа

Дия, в принципе можно было считать «нормальным, прекрасным и справедливым». «Кто может оспаривать права евреев в Палестине? Бог мой, ведь исторически это ваша земля!»

Эту фразу иногда цитируют в отрыве от остальной части письма в качестве доказательства, что Юсуф Дия с энтузиазмом воспринял сионистскую программу для Палестины. Однако далее можно увидеть, что бывший мэр и депутат парламента от Иерусалима предостерегает от последствий реализации сионистского проекта по созданию суверенного еврейского государства в Палестине. Сионистская идея, писал он, посеет раздор среди христиан, мусульман и евреев. Она создаст угрозу статусу и безопасности евреев, которой они пользовались во всех османских владениях. Переходя к основной цели письма, Юсуф Дия дальновидно отметил, что каковы бы ни были достоинства сионизма, необходимо также учитывать «безжалостную силу обстоятельств». Наиболее важные из них заключались в том, что «Палестина является неотъемлемой частью Османской империи и — что еще более серьезно — населена другими». В Палестине уже имелось коренное население, которое никогда не согласилось бы с вытеснением. Юсуф Дия говорил, «полностью владея фактами», что планы сионизма по захвату Палестины «глупость чистой воды». «Не может быть ничего справедливее и объективнее», чем предоставление «несчастному еврейскому народу» убежища в другом месте. Однако в конце письма он обращается с искренней мольбой: «Во имя Бога, оставьте Палестину в покое».

Ответ Герцля Юсуфу Дию пришел быстро — 19 марта. Это письмо, вероятно, было первым ответом основателя сионистского движения на аргументированные возражения палестинцев против первоначальных планов Герцля в отношении Палестины. В своем письме Герцль заложил основу шаблонного пренебрежения интересами, а иногда и самим фактом существования коренного населения в будущем. Сионистский лидер попросту проигнорировал главный довод письма, что Палестина уже заселена и ее население не согласно, чтобы его вытесняли с родной земли. Хотя Герцль однажды побывал

в этом краю, он, как и большинство ранних европейских сионистов, мало что знал о местных жителях и не вступал с ними в контакт. Герцль также оставил без внимания обоснованные опасения аль-Халиди по поводу того, что сионистская программа будет угрожать благополучию крупных, устоявшихся еврейских общин на Ближнем Востоке.

Обойдя молчанием тот факт, что сионизм в конечном счете ставил перед собой цель достижения еврейского господства в Палестине, Герцль прибегнул к утверждению, которое во все времена и во всех местах служило краеугольным камнем колониальных притязаний и стало ключевым аргументом сионистского движения: еврейская иммиграция якобы пойдет на пользу коренному населению Палестины. «Мы повысим его благосостояние и личное богатство, которое мы умножим своими благосостоянием и богатством». Повторив формулировку, использованную им в «Еврейском государстве», Герцль добавил: «Если позволить иммигрировать некоторым евреям, которые привезут в страну свой ум, финансовую хватку и предприимчивость, можно не сомневаться, что результатом станет подъем благосостояния всей страны»¹¹.

Показательно, что письмо Герцля отвечает на вопрос, который Юсуф Дия вообще не поднимал. «Вы, Ваше Превосходительство, видите дополнительное осложнение в существовании в Палестине нееврейского населения. Но кому придет в голову его выселять?»¹² Ответ Герцля на вопрос, которого аль-Халиди не задавал, перекликается с пожеланием, записанным в дневнике о «негласном» выселении неимущего населения страны за границу¹³. Эта зловещая цитата ясно показывает, что Герцль понимал всю важность «устранения» коренного населения Палестины как залога успеха сионизма. Более того, устав 1901 года, который он разработал для Еврейско-османской земельной компании, содержал все тот же принцип переселения жителей Палестины в «другие провинции и территории Османской империи»¹⁴. Хотя Герцль подчеркивал в своих работах, что его проект основан на «высочайшей терпимости» и полноправии для всех¹⁵, под этим подразумевалась не более

чем терпимость к меньшинствам, сохранившимся после переселения остальных в другие места.

Герцль недооценил своего оппонента. Из письма аль-Халиди ясно, что тот прекрасно понимал: речь идет не об иммиграции «некоторого числа» евреев в Палестину, а о превращении всей страны в еврейское государство. Получив ответ Герцля, Юсуф Дия мог прийти только к одному из двух выводов: либо сионистский лидер хотел обмануть его, скрыв истинные цели сионистского движения, либо Герцль просто не считал Юсуфа Дия и арабов Палестины заслуживающими серьезного к ним отношения.

Вместо этого Герцль с пафосной самоуверенностью, столь характерной для европейцев XIX века, предлагал абсурдную идею о том, что колонизация и в конечном счете узурпация земель палестинцев чужаками принесет народу этой страны одну лишь пользу. Ход мысли Герцля и его ответ Юсуфу Дия, похоже, основывались на предположении, что арабов можно подкупить или одурачить относительно реальных планов сионистского движения в Палестине. Столь пренебрежительное отношение к умственным способностям арабского населения Палестины, не говоря уже об их правах, неоднократно звучало в речах сионистских, британских, европейских и американских лидеров в последующие десятилетия и продолжает звучать по сей день. А что касается еврейского государства, которое в итоге будет создано движением, основанным Герцлем, то, как и предвидел Юсуф Дия, в нем найдется место только для одного народа — еврейского; других действительно «выселят» или, в лучшем случае, будут терпеть их присутствие.

* * *

Письмо Юсуфа Дия и ответ Герцля хорошо известны знатокам данного периода истории, однако большинство из них, похоже, не задумывались над важностью, вероятно, первого содержательного обмена мнениями между ведущим палестинским деятелем и основателем сионистского движения. Они не учли в полной мере логику идей Герцля, в которых совер-

шенно четко прослеживается преимущественно колонизаторский характер столетнего конфликта в Палестине. Они также не приняли к сведению аргументы аль-Халиди, чья актуальность полностью подтвердилась за время, прошедшее после 1899 года.

Начиная с Первой мировой войны процесс разрушения коренного палестинского общества был запущен масштабной иммиграцией еврейских переселенцев из Европы при поддержке вновь созданных британских мандатных властей, которые помогали им выстраивать автономную структуру сионистского паразитического государства. Кроме того, за счет недопущения арабской рабочей силы в компании, которыми владели евреи, под лозунгом «Авода иврит» (еврейский труд) и вливания воистину огромных капиталов из-за рубежа был создан отдельный сектор экономики, контролируемый евреями¹⁶. К середине 1930-х годов, хотя евреи все еще составляли меньшинство населения, этот в значительной степени автономный сектор был крупнее, чем принадлежавшая арабам часть экономики.

Коренное население еще больше сократилось в результате жестоких репрессий в период Великого арабского восстания против британского правления 1936–1939 годов, во время которого было убито, ранено, заключено в тюрьму или сослано от 14 до 17% взрослого мужского населения¹⁷, поскольку британцы использовали для подавления палестинского сопротивления сотысячную армию и ВВС. Тем временем массовая волна еврейской иммиграции в результате преследований со стороны нацистского режима Германии увеличила численность еврейского населения Палестины с 18% от общего числа в 1932 году до более чем 31% в 1939 году. Это обеспечило критическую демографическую массу и мобилизационные ресурсы, которые потребовались для этнической чистки Палестины в 1948 году. Изгнание более половины арабского населения страны сначала сионистскими ополченцами, а затем израильской армией завершило военный и политический триумф сионизма.

Подобная радикальная социальная инженерия, проводимая в ущерб коренному населению, — путь всех колонистов и их

движений. В Палестине она была необходимым условием для превращения большей части преимущественно арабской страны в преимущественно еврейское государство. Как утверждает в этой книге, современную историю Палестины лучше всего понимать именно в этом смысле — как колониальную войну, которую вели против коренного населения самые разные стороны, чтобы заставить его отказаться вопреки своей воле от родной земли, уступив ее другому народу.

Хотя эта война имеет много типичных черт, присущих другим колониальным кампаниям, она также обладает весьма специфическими характеристиками, поскольку велась сионистским движением и от его имени, которое само по себе было и остается весьма специфическим колониальным проектом. Еще больше усложняет понимание тот факт, что данный колониальный конфликт, осуществлявшийся при массовой поддержке других держав, со временем превратился в национальное противостояние двух новых национальных образований, двух народов. В основе этой особенности лежит и усиливает ее глубокая — как для евреев, так и для многих христиан — библейская связь с исторической территорией Израиля. Эта связь, искусно вплетенная в современный политический сионизм, стала его неотъемлемой частью. Таким образом, национально-колониальное движение конца XIX века украсило себя библейским плащом, обладающим невероятной притягательной силой для хорошо знающих Библию протестантов Великобритании и США, что побуждало их закрывать глаза на современный дух сионизма и его колониальную природу, ибо как евреи могли «колонизировать» землю, на которой зародилась их религия?

С учетом этой слепоты конфликт изображается в лучшем случае как простое, пусть и трагическое столкновение двух народов, предъявляющих права на одну и ту же землю. В худшем случае он описывается как результат фанатичной, закоренелой ненависти арабов и мусульман к еврейскому народу, отстаивающему неотъемлемое право на свою древнюю, богоданную родину. В действительности, однако, нет никаких причин, по которым происходящее в Палестине уже более века нельзя по-